

ГЛОКАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИСЛАМА

Karagiannis E. The new political Islam: human rights, democracy, and justice. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 2018. 255 p.

Карагианнис Э. Новый политический ислам: права человека, демократия и справедливость. Филадельфия: Университет Пенсильвания Пресс, 2018. 255 с.

Не будет преувеличением утверждать, что подъём политического ислама в XXI в. стал одной из центральных тем в международных исследованиях. Монография эксперта Кингз Колледжа Эммануэля Карагианниса посвящена исследованию причин и предпосылок расширения влияния политического ислама в странах с немусульманским населением, его структурному преобразованию и перспективам взаимодействия с немусульманским миром. Исследование претендует на новый подход в вопросе понимания политического ислама.

Глобальность этой религии, которую исповедуют более 1,7 млрд человек на всех континентах, кроме Антарктиды, никем не оспаривается. Тем не менее Э. Карагианнис настаивает на том, что влияние политического ислама не может быть только глобальным. Оно в большей степени локально, так как его воздействие ощущается на местном уровне.

По мнению исследователя, есть несколько причин глобально-локальной природы этого явления. *Во-первых*, существует множество версий исламского учения — «Ислам разделён и по горизонтали, и по вертикали. Суннитско-шиитский раскол свирепствовал после смерти пророка Мухаммеда в 632 году, порождая различные теологические взгляды, ритуалы и традиции. Кроме того, каждая из двух деноминаций содержит школы пра-

воведения (учение “мадхаб”), которые предлагают различные методологии установления исламских правил и положений» (с. xi).

Во-вторых, этнические и культурные различия мусульманских народов в течение ряда веков эволюции ислама способствовали тому, что исламские принципы были слиты с местными практиками. В результате родились эфиопский ислам, казахский ислам, тайский ислам. Другими словами, произошла локальная адаптация конфессиональных установок.

В-третьих, политические выражения мусульманской веры весьма разнообразны потому, что они приспособляются к местным обстоятельствам. Представители политического ислама используют избирательный процесс и мирную политическую борьбу, чтобы обрести власть там, где это возможно, но не отказываются от опоры на вооружённую силу там, где иные формы достижения поставленных целей не срабатывают. В связи с этим внутри ислама разнообразие политических подходов очень велико: от реформизма до фундаментализма.

Этим же Э. Карагианнис объясняет конфигурацию нового политического ислама, который «состоит из активистов, политиков и боевиков, которые действуют как глокализаторы, передавая глобальные идеи и нормы местным мусульманским общи-

нам» (с. xi). В частности, исламистские активисты используют язык прав человека, чтобы подвергнуть сомнению социально-экономический и политический статус мусульман, живущих на Западе. Одновременно некоторые из них защищают институт исламского государства как поборника мусульманских прав.

Термин «исламистский активизм» (Islamist activism) Э. Карагианнис использует, «чтобы описать любую систематическую попытку мобилизовать людские и другие ресурсы с целью продвижения исламской повестки дня ненасильственными средствами» (с. 17). Несмотря на то что многие активисты уверены, что парламент не издаёт законы, так как шариат, это привилегия, оставленная Богу, они признали выборные институты как единственный способ прихода к власти в своих странах. В то же время есть исламисты, принимающие структуру демократии, которая подчёркивает политическое равенство и принцип большинства, обеспечивая им политическую легитимность.

Вторую группу агентов составляют политики, которые создают политические партии, придавая новую форму исламу — исламо-демократию (Islamodemocracy). Их цель «предвыборная, электоральная и постэлекторальная борьба и маневрирование для поддержки мусульманских дел и исламизации общества» (с. 18). По мнению исследователя, «эта группа не отрицает важности конкретных политических, культурных элементов и традиций. Фактически она направлена на объединение общинных реалий с исламскими принципами и верованиями. Исламо-демократия — это новая тенденция, которая изменила характер политической конкуренции в некоторых странах с мусульманским большинством» (с. xiii).

Третья группа — суннитские и шиитские боевики, эксплуатирующие принцип справедливости для мобилизации общественной поддержки. Они отстаивают необходимость защиты мусульманских сообществ, чтобы оправдать действия против своих противников. Они уверены, что только че-

рез борьбу можно достичь справедливого мира.

Э. Карагианнис выделяет несколько доводов в пользу того, что воинственность нового исламизма локальна. Первый из них связан с тем, что «современные боевики стали больше ориентироваться на достижение локальных, а не глобальных целей, которые оказались недостижимыми и нереалистичными. ...Локализация исламистской воинственности означает, что контроль над территорией является необходимым шагом для выполнения этой миссии. Но достижение государственности редко является мирным процессом. Изменению территориального или политического статус-кво часто противостоят мусульмане другой политической ориентации или сектантской принадлежности» (с. 20).

Второй довод в пользу локальности исламистской воинственности апеллирует к сохраняющемуся сектантству внутри ислама: шииты и сунниты ведут борьбу друг с другом за построение государства (халифата) только для своих последователей. Тем самым «воинственные исламисты борются не только за власть, но и за признание. Эта новая форма исламистской воинственности связана как с политической идентичности, так и с политической власти» (с. 20). Третий довод состоит в том, что воинственные исламисты, «несмотря на глобальные тенденции, придерживаются локального видения идеализированной общественной жизни, ограниченной членами определённой деноминации» (с. 21).

Происходящие глобально-локальные тенденции в новом политическом исламе, по мнению Э. Карагианниса, объединяются и связываются через *фреймы*. Фрейм — это интерпретирующая схема, посредством которой обрабатывается и передаётся информация. Она представляет собой форму дискурса, который акцентирует внимание на ключевых сообщениях для сообщества с целью мобилизации сторонников.

В новом политическом исламе присутствуют три категории фреймов: *диагностические*, которые сосредотачиваются на проблеме (например, интерпретация Сеида

Катба Джахилийя /jahiliyya/ — то есть до-исламского периода); *предписывающие*, которые предлагают желательное решение (например, известный лозунг Ихвана «Ислам является решением» — Al-Islam huwa al-hal); *мотивационные*, которые поощряют потенциальных участников присоединяться к социальному движению (например, политическая партия Хизб ут-Тахрир аль-Ислами (Hizb utTahrir) утверждает, что её участники составляют «умму внутри уммы», то есть группу людей, у которой есть специальная миссия в жизни, и поэтому её участники будут вознаграждены в загробной жизни).

Все фреймы идентифицируются с решением одной или нескольких групп проблем: экологических, националистических, антиимпериалистических и других. Они тщательно разработаны с учётом культуры потенциально сочувствующих и характера конкретной ситуации. Основные фреймы обычно передаются через СМИ, беседы, речи, лозунги, визуальные представления (фотографии и плакаты) и Интернет.

Несмотря на различия в подходах, все группы нового политического ислама разделяют идеологию исламизма, которая состоит в достижении справедливости через построение особого государства — неохалифата (Neokhilafah). Э. Карагианнис указывает, что достижение этой цели просматривается только в условиях глокализации. Последняя предполагает комбинацию интенсивного внедрения общественного устройства по законам ислама на локальном уровне и обширного глобального взаимодействия с немусульманами в других странах.

Э. Карагианнис утверждает, что новый политический ислам прошёл три фазы становления. Первая имела место начиная с 1928 года, когда была учреждена организация Братьев-мусульман (Muslim Brotherhood), и продолжалась до конца 1980-х годов. По масштабам обязательств это был локальный исламизм внутри существующих государств, а главными его противниками выступали национальные правитель-

ства и зарубежные силы. Исследователь пишет, что «Первое поколение может быть описано как “исламистские националисты” (Islamist nationalists)» (с. 6).

Вторая фаза эволюции политического ислама началась с появления Аль-Каиды и продолжалась до событий 11 сентября 2001 г. в США. В это время политический ислам стал глобальным, с проявлением черт неофундаментализма, который породила глобализация. Идентификация политического ислама состояла в масштабах «глобальной уммы», а главным его противником был объявлен Запад. В этой связи второе поколение нового ислама может быть описано как «исламистские глобалисты» (Islamist globalists).

Третья фаза развития политического ислама стартовала после 2001 г. и продолжается до сих пор. Она характеризуется фрагментацией внутри ислама в результате становления различных политических партий и движений, борющихся за политическое и идеологическое превосходство. Масштаб обязательств этой генерации глобально-локальный, идентификация происходит на более широком уровне, чем нация-государство. Это, например, уровень сообщества суннитов или шиитов или широкого сообщества ИГИЛ (ISIS). Противник различных групп, отождествляемых с политическим исламом, многолик — это западные правительства, атеисты и не принадлежащие к данному отдельному сообществу исламисты. В этой связи третье поколение Э. Карагианнис обозначает как «исламисты коммунитаристы» (Islamist communitarians). Он поясняет, что «их предполагаемое сообщество состоит из благочестивых мусульман, чья лояльность и идентичность определяются их приверженностью определенной версии исламской подлинности» (с. 11).

Парадоксальным образом, за счёт фрагментации, гибридизации и дифференциации в условиях глобализации новый политический ислам окреп, стал способен усваивать универсальные нормы, интерпретировать внешние влияния и приспосабливать их к собственной среде. Между-

народные события нового века, связанные с американской войной с терроризмом в исламском мире, не только создали в нём напряжённые отношения, но также привели к укреплению смысла панисламской солидарности.

Между тем, по мнению Э. Карагианниса, мусульмане не имеют и не стремятся обрести единую идентичность: «Каждое мусульманское общество обладает своей историей и проблемами, определяющими его путь. В этой связи этот новый панисламизм не всегда означает государственность; он скорее подчёркивает необходимость выработки надлежащих исламских ответов на транснациональные вызовы в качестве альтернативы западным вызовам» (с. 12).

В действительности мусульманский мир пытается решить возникшие новые проблемы, которые создают ощущение угрозы его разрушению. Неожиданным образом в рамках противодействия этому вызову усиливается склонность исламистских активистов использовать дискурс прав человека для продвижения своих политических целей.

В книге также анализируется активность европейских новообращённых в ислам, которые пытаются распространить исламистскую повестку дня в своих странах. Э. Карагианнис прослеживает их опыт превращения в исламистов. Он также анализирует работу организаций, которые созданы и управляются новообращёнными-активистами. Они, по мнению исследователя, создали и размножили «гибридный исламизм» (*hybrid Islamism*): «Хотя эти исламисты имеют различное происхождение, ориентацию и цели, все они использовали основу прав человека для получения поддержки и передачи своих посланий своим общинам» (с. xv). Новообращённые-активисты смогли утвердить гибридный исламизм среди мусульманских сообществ Европы, осуждая политику ассимиляции и интеграции.

Отдельного рассмотрения в книге Э. Карагианниса удостоивается исламистская организация Хизб ут-Тахрир, известная своей международной активностью.

Монография описывает идеологию и стратегию этого объединения, а также оценивает его действия в странах Запада и Юго-Восточной Азии, в постсоветских странах, Китае и на Большом Ближнем Востоке. Одна из глав книги посвящена исламистским партиям, которые вошли в демократический процесс и пришли к власти через выборы. Они поддерживали новую версию исламизма, который комбинирует плюрализм с исламскими ценностями через создание исламо-демократии. Э. Карагианнис сосредотачивает анализ на трёх партиях, которые представляют эту политическую тенденцию: Турецкой партии Справедливости и Развития, Египетской партии Братья-Мусульмане и тунисской партии аль-Нахда. Эти исламистские организации признали возможность политических систем, основанных на демократических институтах.

Исследователь анализирует политические проявления салафизма в Египте и Тунисе. Недавно созданные партии салафитов имеют ультраконсервативные представления в социальных вопросах, но и они осудили применение насилия. Они решили участвовать в избирательных кампаниях в парламенты, действуя в пределах конституций. Партия аль-Нур в Египте и партия Фронт Реформы в Тунисе посчитали целесообразным защищать исполнение шариата демократическими средствами.

В противовес этим примерам Э. Карагианнис исследовал шиитскую воинственность в Ливане, Сирии и Ираке. Он рассмотрел историю развития и стратегии двух самых многочисленных организаций, борющихся с суннитами на Ближнем и Среднем Востоке, — Хизбалла (*Hizb'allah*) и Армия Махди (*Mahdi Army*). В книге присутствует и анализ вооружённой борьбы суннитских групп в Сирии и Ираке. Она описывает происхождение и развитие аль-Нусры и ИГИЛ, которые стремятся свергнуть шиитские режимы в мусульманских странах. Обе группы — часть движения салафитских джихадистов (*Jihadi-Salafi*), которое стремится создать государство, построенного на шариате и тем самым обе-

спечивающего справедливость. Суннитские бойцы, по мнению Э. Карагианниса, также являются глокализаторами исламизма, потому что они пытаются достичь локальных целей, апеллируя к глобальным процессам.

В заключение монографии обсуждаются отношения между Западом и мусульманским миром. Э. Карагианнис отстаивает конструктивный подход к взаимодействию с глобально распространяющимся, но локально действующим новым политическим исламом. Автор утверждает, что в нём одновременно идут восходящий (или глобальный) и нисходящий (или локальный) процессы культурных изменений и политического развития. В этой связи «Политический ислам можно понимать как глобальное социальное движение со многими локальными компонентами. ... Новый политический ислам — это глобальное движение синтеза и антитезы, которое постоянно перенимает и адаптируется к процессам и идеям на местном уровне» (с. 24).

Э. Карагианнис утверждает: «необходимо признать разнообразие, существующее в мире политического ислама. Боевики представляют в абсолютном выражении лишь незначительное меньшинство исламистов. На самом деле демонизация исламизма контрпродуктивна и нравственно неверна» (с. 185). В этой связи, по его мнению, для Запада более перспективной стратегией может стать сотрудничество с исламо-демократами, чтобы искоренить из политической практики исламофобию.

Он призывает принять как должное, что новый политический ислам — главная сила на Ближнем Востоке.

В качестве критики рецензируемой монографии следует отметить, что автором вскрыты только внутренние причины появления нового ислама и модернизации исламской воинственности, результатом которых стали как значительное расширение деятельности различных религиозных деноминаций, так и переход их преимущественно к локальным действиям для достижения политических целей. В книге совершенно игнорируется внешний фактор — вмешательство западных стран во главе с США под предлогом борьбы с международным терроризмом в незападный исламский мир и навязывание ему своих политических традиций и культурных ценностей. Поэтому призыв Э. Карагианниса к сотрудничеству с исламо-демократами непродуктивен.

Кроме того, на наш взгляд, монографии присуща методологическая незаконченность. Проанализировав религиозно-политические трансформации в исламском мире, автор не предложил прогнозные сценарии дальнейшего развития нового ислама как в условиях включённости новых игроков (России, Китая и др.) в исламском мире, так и провала американской политики миростроительства в арабских странах.

Илья Соков
доктор исторических наук